

DOI: 10.15593/perm.kipf/2017.1.09

УДК 327.5(571.645)''198/199''

О.А. Базин

НОВЫЕ ФАКТОРЫ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ЮЖНЫХ КУРИЛ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ

Рассматривается развитие отношений СССР и Японии в годы перестройки. Одной из важнейших задач внешней политики СССР на рубеже 80–90-х годов стало установление дружественных отношений с соседними государствами. Главной сложностью в советско-японских отношениях являлось решение территориального спора из-за Южно-Курильских островов. В отечественной историографии развитие этой проблемы на рубеже 80–90-х годов малоизучено, а в этот период появилось множество новых факторов, способствующих и препятствующих решению проблемы Южных Курил. Проблема Южных Курил исследуется в контексте международной обстановки и политической борьбы в СССР.

Актуальность исследуемой проблемы определяется нерешенностью территориального спора между современной Россией и Японией, что до сих пор является препятствием для подписания мирного договора между двумя странами. Новизна данной статьи определяется вовлечением в научный оборот новых советских и японских дипломатических источников. Задачи данного исследования – определить позиции различных политических сил по поводу территориальных противоречий СССР и Японии; выявить трудности, помешавшие решению этой сложной геополитической проблемы и разницу в подходах советского руководства и российских лидеров. Для выявления причинно-следственных связей и закономерностей развития проблемы Южных Курил в эпоху перестройки использовался ретроспективный метод исторического исследования. Результатом данного исследования стало выявление особенностей развития отношений СССР и Японии в условиях краха биполярного мира и политических преобразований в Советском Союзе.

Ключевые слова: Южно-Курильские острова, проблема «северных территорий», советско-японские отношения, перестройка, М.С. Горбачев.

O.A. Bazin

NEW FACTORS IN SOLVING SOUTHERN KURILES IN THE PERIOD OF PERESTROYKA

In this article development of the relations of the USSR and Japan in the years of perestroika is considered. One of the most important problems of Soviet Union world politics at the turn of the 80-90-ies. the establishment of friendly relations with neighboring States. The main difficulty in the Soviet-Japanese relations was a solution to the territorial dispute over the South Kuril Islands. The development of the Kuril problem in the epoch of the «cold war» is quite fundamentally covered in the national historiography. However, the acuteness of this problem acquired at the turn of the 80-90-ies., when a lot of new factors in the solution of the problem of the South Kuril Islands. The problem of the Southern Kuriles is investigated in the context of an international situation and political struggle in the USSR.

Relevance of the studied problem is defined by a suspense of a territorial dispute between modern Russia and Japan that still is an obstacle for signing of the peace treaty between two countries. Novelty of this article is defined by involvement in a scientific turn of new Soviet and Japanese diplomatic sources. Problems of this research is definition of positions of various political forces concerning territorial contradictions of the USSR and Japan; definition of the difficulties which prevented the solution of this complex geopolitical problem; identification of a difference in approaches of the Soviet management and the Russian leaders. For identification of relationships of cause and effect and regularities of development of a problem of the Southern Kuriles during an era of perestroika the retrospective method of a historical research was used. Detection of features of development of the relations of the USSR and Japan in the conditions of crash of the bipolar world and political transformations in the Soviet Union became result of this research.

Keywords: South Kuril Islands, the problem of «Northern territories», Soviet-Japanese relations, perestroika, M.S. Gorbachev.

В последние годы существования СССР значительно изменился подход советского руководства к решению множества внешнеполитических проблем, не стала исключением и главная «болевая точка» в отношениях с Японией – вопрос принадлежности Южно-Курильских островов (в Японии эти острова официально называют «северными территориями»). С окончанием

холодной войны появилось множество возможностей для эффективного диалога между СССР и Японией. В Советской внешней политике курильская проблема рассматривалась в контексте борьбы между капиталистическим и социалистическим мирами, а Япония воспринималась как проводник внешней политики США на Дальнем Востоке. С этой точки зрения Южно-Курильские острова (Итуруп, Кунашир, Шикотан и группа островов Хабомаи) рассматривались как важный стратегический плацдарм. В конце 80-х – начале 90-х годов СССР придерживался линии сотрудничества со странами Запада, отвергал антагонизмы предшествующей эпохи. Негативные внутривластные процессы конца 80-х начала 90-х годов, стали фактором, способствующим заинтересованности СССР в нормализации отношений с Японией. Эта страна считалась одним из символов экономического благополучия и была готова на определенных условиях оказать помощь в модернизации советской экономики.

Отношение Японии к этой проблеме также претерпело серьезные изменения. Одной из главных причин активизации политики Японии, направленной на пересмотр территориальных итогов Второй мировой войны, стало ослабление позиций СССР. В эпоху холодной войны Япония должна была отстаивать свои притязания перед сверхдержавой, возглавлявшей одну из сторон биполярного мира. На рубеже 80–90-х годов Южно-Курильские острова принадлежали стране, международное положение которой было очень зыбким и которая остро нуждалась в политической и экономической поддержке стран Запада и готова была идти на компромиссы по «сложным» проблемам.

Для Японии, помимо реальных выгод (экономическое освоение земель, улучшение стратегического положения), которые открывало присоединение Южно-Курильских островов, решение проблемы «северных территорий» имело и большой идеологический подтекст. Японский посол в СССР Кодзухито Того отмечал, что позиция правительства Японии, настаивающего на возврате четырех островов, основана не на экономических или военных выгодах. Эти территории являются важным фундаментом долгой истории японского народа и основой обретения японским народом своих духовных ценностей. В этом контексте «решение территориальной проблемы становится необходимым для того, чтобы исправить несправедливость тех трагических событий, которые произошли после окончания Второй мировой войны в отношениях Японии и СССР» [1, с. 4].

Японская дипломатия еще со времен премьер-министра Я. Накасонэ основывалась на принципе «неразрывности экономики и политики» по отношению к Советскому Союзу (распространение разногласий в политической сфере на весь комплекс торгово-экономических взаимоотношений с СССР). С началом распада СССР японская сторона только активизировала свои усилия по возвращению так называемых «северных территорий», увязывая развитие советско-японских отношений и оказание экономической помощи с решением территориальных споров.

Следует отметить, что в Японии возлагали большие надежды на успех в диалоге по Южным Курилам в связи с внутренними преобразованиями в СССР и окончанием холодной войны. Япония, с идеологической точки зрения являясь страной западного мира, крайне позитивно оценила «перестройку» в целом и фигуру М. С. Горбачева в частности. Об этом свидетельствуют данные «Голубых книг» – дипломатических ежегодных вестников Министерства иностранных дел Японии. «Нахождение М. Горбачева у власти ознаменовало целый ряд политических реформ в стране, направленных на укрепление законодательной власти в СССР и изменение партийной системы». «Советский лидер Горбачев стоит на более сильных позициях, чем прежние лидеры государства» [2, р. 206]. Как отмечал японский исследователь Симотомаи Нобуо, «Михаил Горбачев пользовался у японцев большей популярностью, чем у своих собственных соотечественников» [3, с. 272].

Давая оценку внешней политике СССР в конце 80-х – начале 90-х годов, японская дипломатия особо подчеркивала стремление М.С. Горбачева налаживать сотрудничество с «проблемными» государствами Азиатско-Тихоокеанского региона (КНР, Южной Кореей). Позитивно был оценен вклад М.С. Горбачева в окончание холодной войны. СМИ Японии с воодушевлением восприняли объединение Германии. Японский телеканал Ти-Би-Эс следующим образом оценивал это событие: «в текущий момент динамично развиваются события в социалистических странах Восточной Европы по пути демократизации и расширения свободы, что было ярко проиллюстрировано объявлением о ликвидации берлинской стены, служившей символом раскола Восточной и Западной Германии» [4, л. 2–3]. Существует точка зрения, что процесс объединения Германии мог благотворно повлиять на урегулирование территориального спора между СССР и Японией. Нам представляется необоснованным утверждение о том, что вопрос о возврате японских островов мог бы решиться параллельно с «германской проблемой». Тем не менее общий вектор советской внутренней и внешней политики подталкивал Японию к возобновлению активной деятельности, направленной на пересмотр вопроса о статусе Южно-Курильских островов.

Интенсификация советско-японского диалога по Южно-Курильским островам была также следствием корректировки внешнеполитической позиции японской дипломатии. В апреле 1989 года министр иностранных дел Японии С. Уно предложил концепцию сбалансированного расширения советско-японских отношений, которая предусматривала продвижение вперед по нескольким направлениям. Такой подход в некоторой степени расходился с господствующим ранее принципом «неразделенности решения экономических и политических вопросов» между СССР и Японией. Эта неразделенность по-прежнему сохранялась, но Япония отказывалась от жесткой временной последовательности в сотрудничестве с СССР. Ранее предусматривалось в первую очередь заключение мирного договора с одновременным решением проблемы «северных территорий» в пользу Японии и только после этого возможность развития отношений в других областях. Подобной позиции придерживался и глава правящей партии ЛДП С. Абэ. Такое изменение позиции Японии объяснялось общей сменой внешнеполитической доктрины этой страны, отвечало задачам ее превращения не только в ведущую экономическую державу, но и во влиятельную политическую силу в мире. Чуть позже такой подход найдет отражение в стремлении Японии добиться повышения своего статуса в ООН.

Одновременно на рубеже 80-90-х годов обозначился и ряд новых факторов, препятствующих преодолению территориальных разногласий между СССР и Японией. Несмотря на ряд позитивных изменений, решение проблемы Южных Курил осложнялось внутривнутриполитической борьбой в советском руководстве. Среди политической элиты СССР был очень большой разброс мнений по поводу отношений с Японией. По некоторым данным, Э. Шеварднадзе в неофициальных беседах признавал возможность возвращения Японии двух островов на основе декларации 1956 года, ряд советников по внешней политике критиковали инициативы М.С. Горбачева. Подобное отсутствие четкой позиции советских лидеров по проблеме принадлежности Южно-Курильских островов японская дипломатия также рассматривала как негативный фактор советско-японских отношений. В «Голубой книге» за 1990 год отмечается, что «ситуацию обостряет изменчивая позиция СССР» [5, р. 227].

На рубеже 80–90-х годов курильский вопрос стал одним из множества аспектов внутривнутриполитической борьбы между советским и российским руководством. Каждая из сторон стремилась перехватить инициативу в решении этой проблемы и представить эти дипломатические усилия как свой личный вклад в борьбу за интересы Отечества. Вопрос о мотивах форсирования темпов

переговорного процесса по Курилам российского лидера Б.Н. Ельцина является дискуссионным. По мнению А.А. Кошкина, «речь шла, конечно, не об отстаивании прав России на Курилы, а о том, чтобы японская финансовая помощь была получена не союзным, а российским руководством» [6, с. 369]. Так или иначе, стремление российского руководства ускорить решение курильского вопроса было замечено и японскими дипломатическими кругами, которые отмечали наличие в окружении Ельцина политиков, готовых идти на уступки по проблеме Южных Курил.

Были и другие специфические для данного этапа факторы, препятствующие успеху переговоров между СССР и Японией. В конце 80-х годов проблема Курил вышла за рамки политического противостояния страны, реально обладающей Южно-Курильскими островами, и государства, оспаривающего это право. Переломный период конца 80-х – начала 90-х годов стал также эпохой беспрецедентной ломки общественного сознания советских граждан. Резко возросла политическая активность населения страны, но вместе с ней возросли и националистические настроения в обществе. На фоне необходимости защищать любую ценность Родины, включая границы, проблема Южных Курил стала еще более сложной для решения. Советские и республиканские руководители должны были считаться с мнением общественности и оппозиционных сил, выступавших против уступок Японии.

О возрастании роли общественного мнения в решении проблемы Южных Курил свидетельствует и письмо Б.Н. Ельцина россиянам, написанное в последние недели существования СССР (16 ноября 1991 г.). В нем Б.Н. Ельцин отмечает, что в обществе существует «обеспокоенность судьбами Южно-Курильских островов», и заявляет об обязанности нового российского руководства найти пути «решения тех унаследованных от политики прошлых эпох проблем, которые и сегодня препятствуют налаживанию нормальных взаимоотношений России с мировым сообществом». Несмотря на обозначенный в письме курс на «достижение окончательного послевоенного урегулирования отношений с Японией», Б.Н. Ельцин четко не обозначает свою позицию. Он ограничивается расплывчатой формулировкой о том, что «мы будем руководствоваться принципами справедливости и гуманизма, будем твердо отстаивать интересы и достоинство россиян, и прежде всего жителей Южных Курил» [7].

Свидетельством неподдельного интереса отечественной общественности и представителей политической элиты к проблеме Южных Курил является активное обсуждение данного вопроса в средствах массовой информации и появление множества абсолютно новых проектов решения этого давнего спора. К решению проблемы активно подключается научное сообщество, представители которого входят в состав рабочих групп по Южным Курилам и создают теоретические схемы решения территориального спора между двумя странами (Г. Кунадзе, В. Зайцев, А. Загорский). Наибольшую активность в обсуждении данной проблемы проявляли сотрудники Института мировой экономики и международных отношений. По инициативе Э. Шеварднадзе и Генерального секретаря ЛДП С. Абэ осуществляются контакты на уровне правящих партий по территориальному вопросу. В СМИ стали появляться различные предложения о возможных путях решения курильской проблемы (создание на спорных островах совместных экономических зон, передача Южных Курил под эгиду ООН, продажа островов Японии за несколько десятков миллиардов американских долларов, создание на Южных Курилах совместной администрации) [8, с. 4].

Все это позволяет утверждать, что в рассматриваемый период в решении проблемы Южно-Курильских островов появился новый фактор, ранее слабо учитывавшийся японской стороной. Прежде завершение территориального спора могло быть достигнуто за счет договоренности Японии с советским руководством, и абсолютно любой результат этих переговоров был бы безапел-

ляционно принят советским обществом. Теперь решение этого вопроса на политическом уровне должно было сочетаться с многоплановой работой, направленной на создание позитивного образа Японии у населения СССР, и прежде всего РСФСР. Это подтверждают и слова японского посла К. Того: «Необходима глубокая симпатия русского народа по отношению к Японии, и надо добиваться понимания этого как от Ельцина, так и от женщин с рыбных заводов, живущих на “северных территориях”. Это является вопросом не только межправительственных переговоров, но и вопросом народной дипломатии» [1, с. 29]. Но эти факторы были всего лишь дополнительными сложностями, которые не могли помешать началу советско-японского диалога.

Окончание холодной войны, изменение внешнеполитической стратегии СССР и Японии вылились в активное обсуждение проблемы Южных Курил. Первым значительным свидетельством готовности СССР к диалогу в этот период стал визит министра иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе в Японию (декабрь 1988 г.) Договоренность об этом визите была достигнута в ходе встречи министров иностранных дел двух государств на Генеральной ассамблее ООН в сентябре 1988 года. Однако в ходе самого визита переговорный процесс советской делегации и японской стороны шел достаточно сложно. По свидетельству официальных дипломатических источников Японии, «не во всех сферах стороны находили взаимопонимание, и особо остро стоял вопрос о “северных территориях”, спорных между СССР и Японией». В ходе переговоров стороны подробно обсудили историю проблемы, было принято решение создать специальную рабочую группу на уровне министерств иностранных дел по мирному урегулированию территориального спора. Советская сторона предпочитала обсуждать проблему Южных Курил в юридическом аспекте. По мнению японских дипломатов, «СССР занял очень четкую позицию и не хотел несколько уступать японской стороне» [2, с. 206].

В мае 1989 года последовал ответный визит министра иностранных дел Японии С. Уно. Он заявил о необходимости решения таких важных вопросов советско-японских отношений, как мирное сотрудничество и проблемы «северных территорий». В качестве аргументов в решении противоречий японская сторона использовала обещания содействовать модернизации советской экономики, поддерживать политику перестройки, провести консультации на правительственном уровне по проблемам морского судоходства, защиты окружающей среды от загрязнения, сохранения морских ресурсов и контроля за миграциями птиц. Советская сторона разрешила японской делегации посетить Сахалин, позволила японским гражданам навестить могилы своих родственников на Южно-Курильских островах. Итоги переговоров С. Уно и М.С. Горбачева, несмотря на отсутствие значимых конкретных решений, были высоко оценены в Японии. В «Голубой книге» 1989 года этот визит был оценен как «великое знамение», свидетельствующее об улучшении отношений между двумя странами. Но этот же источник отмечал, что стремление японского министра иностранных дел С. Уно добиться прогресса в решении проблемы «северных территорий» не нашло поддержки у советской стороны [2, р. 207]. Японская делегация отметила, что все инициативы по мирному взаимодействию разбиваются о проблему «северных территорий», что очень важно как можно скорее и рациональнее разрешить проблему. Советская сторона заявила о том, что для мирного сотрудничества между СССР и Японией необходимо заключить мирный договор, но позиция Советского Союза по вопросу о Южных Курилах остается неизменной.

Помимо обмена мнений по вопросу о принадлежности Южно-Курильских островов на уровне представителей исполнительной власти, важным событием советско-японских отношений конца 80-х годов стал визит в Японию депутатов Верховного Совета СССР во главе с А.И. Лукьяновым в феврале 1989 года. Принимавший делегацию, прибывшую для участия в

церемониях в честь императора, премьер-министр Японии Н. Такешита заявил, что невозможно вести переговоры о мирном сотрудничестве, пока остро стоит территориальный вопрос. Основную проблему взаимоотношений СССР и Японии он видел в существовании слишком узкого подхода к их разрешению. А.И. Лукьянов заявил, что территориальный вопрос не должен быть камнем преткновения в отношениях между Советским Союзом и Японией. В ноябре 1989 года Японию с визитом посетила делегация Верховного Совета СССР во главе с А.Н. Яковлевым. В ходе этого визита была озвучена идея о желательности развития двусторонних отношений по «третьему пути», который предусматривал спокойный конструктивный диалог по широкому спектру вопросов.

Наивысшей точкой советско-японских контактов этого периода стал визит президента СССР М.С. Горбачева в Японию (16–19 апреля 1991 г.) В совместном советско-японском заявлении от 18 апреля 1991 года обозначалось, что «мирный договор должен стать документом окончательного послевоенного урегулирования, включая разрешение территориальной проблемы, открыть долгосрочную перспективу советско-японских отношений на дружественной основе, исключить нанесение ущерба безопасности другой стороны» [7].

СССР обозначил свое стремление пойти на ряд уступок, что еще больше подогревало аппетит японской стороны и убеждало ее в правильности избранной позиции по проблеме «северных территорий». В ходе переговоров советская сторона внесла предложение в ближайшее время принять меры по расширению общения между населением Японии и населением Южно-Курильских островов, установлению упрощенного безвизового режима посещения этих островов японскими гражданами, налаживанию совместной взаимовыгодной хозяйственной деятельности в этом районе и сокращению советского военного контингента, размещенного на Южных Курилах.

Другим важным итогом этого визита было подтверждение обеими сторонами необходимости конструктивно сотрудничать в торгово-экономической, научно-технической, политической областях, по линии общественности, культуры, образования, туризма, спорта, широкого и свободного общения между гражданами. Данное положение в очередной раз показало готовность Японии окончательно отказаться от принципа «неразделенности решения экономических и политических вопросов» в отношениях с СССР. В продолжение этих договоренностей было подписано соглашение о сотрудничестве в оказании технического содействия реформам по переходу СССР к рыночной экономике. Однако значение этого визита не стоит преувеличивать, в то время, когда он проходил, М.С. Горбачев практически не имел реальных возможностей способствовать решению курильской проблемы. В то же время российское руководство во главе с Б.Н. Ельциным всячески демонстрировало готовность пойти на гораздо более значительные уступки, чем советский лидер.

Позиция российского руководства выразилась в проекте Б.Н. Ельцина о поэтапном решении курильской проблемы. Этот план был выдвинут Б.Н. Ельциным еще во время его поездки в Японию в январе 1990 года и подразумевал последовательное достижение следующих результатов: официальное признание проблемы принадлежности Курил, демилитаризация островов, объявление территорий зоной свободного предпринимательства, подписание мирного договора и установление «совместного управления» над островами, окончательное решение вопроса будущими поколениями. По «пятиэтапному плану Ельцина» окончательно территориальный спор должен был решиться в пользу Японии через полтора-два десятилетия. Подобная схема позволяла получить столь необходимую для проведения преобразований японскую экономическую помощь, но одновременно и снимало с российского руководства

начала 90-х годов груз исторической ответственности за это крайне непопулярное решение. Важно отметить, что поездка Б.Н. Ельцина в Японию произошла раньше визита М.С. Горбачева в эту страну, что в некоторой степени свидетельствует о стремлении российского лидера перехватить инициативу у президента СССР в решении территориальной проблемы и о значимости курильского вопроса для внутривластной борьбы в СССР.

Казалось бы, все более очевидная победа республиканских властей над советским аппаратом открывала дорогу для реализации этого плана. Но парадокс заключался в том, что перестройка в СССР, создав возможность для «прорыва» в территориальном споре, одновременно затруднила принятие окончательного решения. В период холодной войны эта проблема могла быть решена одним усилием Генерального секретаря и без ощутимого внутреннего сопротивления. Ни Горбачев, ни Ельцин в первые годы своего президентства не обладали подобным запасом прочности для того, чтобы продавить своим авторитетом это судьбоносное решение. Этой точки зрения придерживаются и зарубежные исследователи [9, p. 104]. Не стоит преувеличивать и возможности глав Министерства иностранных дел Японии кардинально воздействовать на решение проблемы «северных территорий». Это объяснялось тем, что в рассматриваемый период японские министры иностранных дел занимали свой пост относительно короткое время, и подготовка конкретных решений находилась в руках аппарата МИД Японии. То есть с обеих сторон сложность решения курильской проблемы заключалась в излишнем плюрализме мнений по этому сложному вопросу.

Новой чертой переговорного процесса по проблеме «северных территорий» стало стремление Японии привлечь к этому диалогу своих западных партнеров. После успешного разрешения проблемы объединения двух Германий, что многими трактовалось как неспособность Советского Союза отстаивать свои геополитические интересы, особое внимание Япония уделяла получению поддержки ФРГ в решении проблемы Южных Курил. Обе страны имели ряд общих задач на мировой арене и длительный опыт сотрудничества. Однако на этом направлении Япония потерпела дипломатическое фиаско. По наиболее важной для Японии проблеме «северных территорий» объединенная Германия не оказала никакой поддержки своему азиатскому партнеру. Министр иностранных дел Германии Х.-Д. Геншер категорически отверг роль Германии в качестве посредника в этом вопросе: «переговоры двух государств настолько интенсивны, что они не нуждаются в посредничестве» [10, s. 502]. Таким образом, Германия не поддержала позицию Токио.

В вопросе, касающемся Южно-Курильских островов, Япония могла использовать Германию лишь в качестве примера того, как можно добиться повышения своего международного статуса и самостоятельности путем признания реалий послевоенного урегулирования (серия договоров ФРГ со странами социалистического блока в начале 70-х годов). Подписание Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1 августа 1975 г.) лишило европейские страны юридических оснований для территориальных претензий к СССР. Поэтому любые попытки Японии найти понимание и тем более реальную поддержку в лице европейских государств в решении проблемы «северных территорий» были безрезультатны.

Таким образом, несмотря на множество факторов, способствующих активизации переговорного процесса между СССР и Японией, реального «прорыва» по проблеме Южно-Курильских островов в последние годы существования СССР не произошло. Взявшее курс на нормализацию отношений со странами западного мира и их восточными союзниками советское руководство было заинтересовано в многостороннем сотрудничестве с одной из силь-

нейших экономик мира. Но территориальные потери неминуемо дискредитировали бы деятели перестройки и усилили позиции набирающего силу оппозиционного движения.

Период рубежа 80–90-х годов был отмечен рядом существенных изменений в советско-японских отношениях, камнем преткновения в которых по-прежнему оставалась проблема принадлежности четырех Южно-Курильских островов. Несмотря на серию встреч на высшем уровне, разработку проектов, многообещающих заявлений, никаких реальных успехов достигнуто не было. Перестройка, с одной стороны, предоставила беспрецедентный шанс для решения проблемы Южных Курил, но в то же время ограничила возможности разрешения территориального противоречия между СССР и Японией. Различные позиции сторон, невозможность идти на компромисс без угрозы «потерять лицо» воспрепятствовали решению курильской проблемы, а следовательно, и подписанию мирного договора. Эту сложную проблему не удалось решить и первым российским лидерам. Периодически между соседними государствами возникают дипломатические конфликты по поводу принадлежности Южно-Курильских островов. В Японии по-прежнему отмечается «День северных территорий», раздражение японской стороны вызывают посещения российскими официальными лицами Южных Курил.

Список литературы

1. Кодзухито Того. Японо-российские отношения: прошлое и перспективы. – М., 1995. – 256 с.
2. Soviet Union and Eastern Europe // *Diplomatic Bluebook*, 1989. – 324 p.
3. Симотомай Нобуо. Холодная война в Восточной Азии и проблема «северных территорий» // Глобальные вызовы – японский ответ. – М., 2008. – 239 с.
4. Отчет о развитии отношений СССР и Японии // РГАН. – Ф. 89. – П. № 30. – Д. № 17.
5. Soviet Union and Eastern Europe // *Diplomatic Bluebook*, 1990. – 205 p.
6. Кошкин А. А. Россия и Япония: узлы противоречий. – М., 2010. – 312 с.
7. Из Совместного советско-японского заявления от 18 апреля 1991 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ru.emb-japan.go.jp/relationship/MAINDOCS/1991.html>.
8. Янов А. Курилы: козырь перестройки // Комсомольская правда. – 1990. – 9 окт.
9. Rozman G. The Japanese Response to Gorbachevs Challenge // Princeton, 1992. – 390 p.
10. Japan und Europa: Getrennte Welten? – Frankfurt a. M., 1993. – 545 s.

References

1. Kodzukhito Togo. Iapono-rossiiskie otnosheniia: proshloe i perspektivy [Japanese-Russian relations: past and prospects]. Moscow, 1995, 256 p.
2. Soviet Union and Eastern Europe. *Diplomatic Bluebook*, 1989, 324 p.
3. Simotomai Nobuo. Kholodnaia voina v Vostochnoi Azii i problema «severnykh territorii» [The Cold War in East Asia and the problem of "northern territories"]. *Global'nye vyzovy – iaponskii otvet*. Moscow, 2008, 239 p.
4. Otchet o razvitii otnoshenii SSSR i Iaponii [Report on the development of relations between the USSR and Japan]. *RGANI (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii)*, f. 89, p. 30, d.17.
5. Soviet Union and Eastern Europe. *Diplomatic Bluebook*, 1990, 205 p.
6. Koshkin A. A. Rossiia i Iaponiia: uzly protivorechii [Russia and Japan: knots of contradictions]. Moscow, 2010, 312 p.
7. Iz Sovmestnogo sovetско-iaponskogo zaiavleniia ot 18 apreliia 1991 g. [From the joint Soviet-Japanese statement of April 18, 1991], available at: <http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/1991.html> (accessed 01 February 2017).
8. Ianov A. Kurily: kozyr' perestroiki [Kuriles: the trump card of perestroika]. *Komsomol'skaia pravda*. 9 oktiabria. 1990.
9. Rozman G. The Japanese Response to Gorbachevs Challenge. *Princeton*, 1992, 390 p.
10. Japan und Europa: Getrennte Welten? Frankfurt a. M., 1993, 545 p.

Получено 02.02.2017